

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПОВИННОСТЕЙ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО- ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХУШ в.

Важной задачей исторической науки является изучение форм, размеров и эволюции феодальной ренты крестьян России в период феодализма. Исследование вопроса осложняется необычайным разнообразием хозяйственного и юридического положения отдельных категорий крестьян в государстве. В этих условиях большое значение приобретают локальные исследования повинностей как разных категорий крестьян, так и отдельных феодальных владений, ибо они дают исходный материал для обобщений. Архивный комплекс Александро-Свирского монастыря позволяет выявить конкретную картину обложения крестьян монастырской вотчины, располагавшейся на Северо-Западе России.

Особенную ценность представляет ведомость 1723 г., составленная властями монастыря для Новгородского Архиерейского дома, с перечнем владельческих повинностей своих крестьян¹. Документ написан на основании показаний старост и десятских и содержит, что особенно важно, денежную оценку всех видов повинностей.

Тяжесть государственных платежей и работ крестьян в первой четверти ХУШ в. дополнялась обременительными владельческими повинностями².

Основной и самой тяжелой формой феодальной ренты крестьян Александро-Свирского монастыря был оброк в виде "пятинного хлеба" Его платили "издревле" с запашек полевых и лесовых, со всех видов зерновых хлебов. Величина "пятинны" колебалась в зависимости от урожая и от количества вновь расчищенных крестьянами подсечных участков. В архиве монастыря сохранились "Книги сбора пятинны" за период с 1719 по 1726 г.

Подсчеты показали, что с 1 двора, владевшего пашней в 1,6 десятины, в среднем выплачивалось 4 четв. 1,2 чत्व. зерна стоимостью в 8 руб. 66 коп. Пятинный платеж был велик. Малоземелье и высокий оброчный хлебный сбор приводили к тому, что хозяйства среднестатейных, а тем более скудных крестьян не могли обеспечить

себя хлебом до нового урожая. Каждый год они обращались к архимандриту с просьбой о выдаче семенной ссуды, обуславливая просьбу обязательством выплаты долга из нового урожая.

Кроме “пятинного хлеба”, крестьяне вотчины давали в монастырь “столовые припасы”: коровьего масла 10 пудов, яиц 2042 штуки, сухих грибов 3 четверти³. На каждый двор приблизительно приходилось по 16 штук яиц стоимостью 4 коп., масла около 3-х футов ценой 10 коп., сухих грибов по 5 футов стоимостью 6 коп., итого с 1 двора 20 коп. Запросом, но практически ежегодно, доставлялось “лесных припасов” на ремонт монастыря и келий: досок пятисаженных 1440 штук - с 1 двора по 10 досок, скал березовых 1440 - с 1 двора по 10 скал, драниц сосновых 2400 - с 1 двора по 17 драниц. Монастырь получал всего с 1 кр. двора “лесных припасов” на сумму 85 коп.

Еще “про монастырский обиход” взималось дубовой коры или ивняка для кожевенного дела 240 аршин, с 1 двора около 2 аршин. Весной до пахоты крестьяне были обязаны вырубать дрова для отопления келий - 720 сажень, с 1 двора по 5 сажень. Вырубленные дрова крестьяне на своих лошадях везли в монастырь⁴. Денежная оценка этих повинностей равнялась 85 коп. с 1 двора. В среднем совокупный натуральный оброк составлял 10 руб. 56 коп. с 1 двора.

Тяжелой формой повинности была отработочная рента. Она отличалась чрезвычайной неопределенностью. “Высылки” на различные работы производились круглый год и не регламентировались. Последнее создавало широкие возможности для злоупотреблений. Монастырская администрация требовала от крестьян то “недельных работников”, то “годовых”, то проводила экстренные “высылки”, то вводила новые виды “изделия”. Поэтому произвести оценку этой формы феодальной ренты очень трудно. Все суммы будут давать лишь приблизительное представление о ее величине. В документах, хранящихся в монастырском архиве, приводятся разные сведения о размере отработок. Монастырская отчетность содержит одни данные, старосты показывают другие, челобитные крестьян вскрывают производ и злоупотребления вотчинной администрации. Официальные ведомости монастырской отчетности перечисляют виды отработочной ренты. Преобладала барщина. Весной крестьяне пахали монастырские поля по 10 дней с двора. Каждый день работы оценивался в 8 коп., то есть 10 дней пахоты - 80 коп. Летом косили сено по 14 дней с двора, “а нанимали меж себя ко оной работы друг друга и давали найма по 8 копеек в

день”, что составляло 1 руб. 12 коп. с двора⁵.

С наступлением поры сбора урожая выполняли “осеннюю работу” - жали озимые и яровые хлеба. Согласно монастырской ведомости, поданной в Новгородский архиерейский дом, крестьяне трудились на жатве по 7 дней с каждого двора. “А нанимали меж себя к той работы охотников и давали найма по 4 коп. день....”, за 7 дней 28 копеек с двора. На другие виды “осенних работ” затрачивалось 10 дней с двора с оценкой по 2 копейки день, то есть 20 коп. с двора⁶. В течении всего года крестьяне ходили на “недельную работу”. В 1722-1723 гг. она составляла 3 недели с тягла, а в переводе на деньги 72 коп. с одного двора. В ведомости не значится такой вид “изделия” как прядение монастырской кудели на “сетные нитки” по 17 фунтов с двора. Не упоминается и прядение монастырской шерсти - по 14 фунтов с двора⁷. Между тем эти работы производились ежегодно, а денежная их оценка равнялась 14 коп. В итоге денежное выражение годовой отработочной ренты одного крестьянского двора выражалось суммой 3 руб. 26 коп. Нужно иметь в виду, что величина отработочной ренты в монастырском отчетном документе сильно занижена. Практически она была гораздо обременительнее и с годами возрастала. Именно за счет отработочных повинностей главным образом происходило усиление эксплуатации в вотчине Александро-Свирского монастыря в первой половине ХУШ в. Так, в 1713 г. крестьяне на жатве должны были выжать с “1 лука” 30 суслонов ржи и 60 суслонов овса. Затем размеры ужина возросли до 40 суслонов ржи и 80 суслонов овса, а с 1722 г. уже называются - 50 суслонов ржи и 100 суслонов овса⁸. В 1721-1723 гг. крепостные вотчины трудились по 6 дней с “1 лука” на весенней работе - по 10 дней с двора. А с 1724 г. длительность весенних работ возросла до двух недель с “1 лука” или до 20 дней с двора. В 1725-1726 гг. крестьяне не только пряли монастырскую пеньку и шерсть, но должны были ткать из нее сукно. “Недельная работа” возрастала в год на одну неделю⁹. Большая часть “изделия” приходилась на летние месяцы с мая по сентябрь включительно. В страдную пору приблизительно 3 дня в неделю 1 работник одного крестьянского двора проводил на монастырской баршине и других работах.

Неуклонно возраставший уровень “изделия” и фактически непрерывный в течении всего года, характер отработок тяжелым бременем ложились на хозяйство крестьян.

В первой четверти ХVIII в. монастырские власти вводят практику замены отдельных видов работ денежными эквивалентами.

Учитывая то, что некоторые крестьяне предпочитали вместо себя нанимать наймитов на косьбу сена, жатву хлебов, монастырь с 1722 г. вводит обязательный денежный сбор на наем гребцов в пору сенокоса. Сбор этот оказался выше платы, которую прежде давали крестьяне, нанимая вместо себя работников на этот вид работ. В коллективной челобитной 1727 г. содержится жалоба крестьян на то, что с них каждый год собирают 50 руб. "грабительных денег". Одновременно стали взиматься деньги на наем ловцов к рыбным ловлям, в среднем по 12 человек на год, которым давалось "найма" по 7 руб. человеку. Был введен новый вид "изделия" - охрана хлебных амбаров в монастырских селах. Содержание 4-х караульщиков обходилось 48 руб. в год¹⁰. В итоге суммарное выражение денежного эквивалента всех видов годовой ренты 1 кр. двора составляло в среднем 15 руб. 12 коп. Даже монастырская братия признавала обременительность повинностей александровских крестьян, свидетельствуя в 1723 г., что архимандрит "накладывает на крестьян налоги великие".

Бурное развитие промышленности и торговли в России в первой четверти XVIII в. способствовало усиленному распространению рыночных отношений и в Обонежье, где наиболее ощутимы были экономические преобразования. При суровом климате севера, малопродуктивности земледелия рост товарности и доходности крестьянских хозяйств происходил прежде всего через промыслы и ремесла¹². Последнее и позволяло крестьянам выдерживать тяжесть феодальных и государственных платежей. "Прожиточные" брали подряды плотничьи, строительные, на сооружение судов, жжение извести, изготовление кирпича, перевозку грузов на своих судах, извоз и т.д., занимались скупщицкими операциями, становились "торговыми людьми". "Скудные" крестьяне широко практиковали работы по найму у "прожиточных" крестьян и в монастыре, отход на заработки за пределы вотчины. Денежные отношения прочно входили в хозяйства крестьян. Если в 1699 г. староста Лоянской волости "за распускные деньги" брал у крестьян овчины, холсты и т. д. по соответствующим ценам, то в последующие годы поступали преимущественно деньги¹³. Деньгами выплачивалась денежная часть владельческих и государственных повинностей. Деньгами расплачивались с нанятыми вместо себя работниками на заводы и верфи, для выполнения работ в монастыре и т. д. А несколько промысловых деревень Сермакской волости вносили оброк только деньгами и выполняли лишь незначительные

работы на монастырь¹⁴.

Анализ имеющихся материалов позволил сделать вывод о высокой степени эксплуатации крестьян Александро-Свирского монастыря в первой четверти ХУШ в. Феодалная рента была смешанной и состояла из натуральных, отработочных и денежных платежей. Общий ход эволюции ренты в вотчине происходил - с одной стороны, в направлении увеличения барщины и разных видов работ в монастыре, с другой - замены последних денежными сборами. Аналогичная картина развития рентных отношений отмечена И.А. Булыгиным в ряде монастырских вотчин России первой четверти ХVIII в¹⁵.

Примечания

1. Архив С П Б. И. П. ФИРИРАН. ф.3, оп. 1, к. 12, п. 9.
2. Шабанова А. М. Государственные повинности монастырских крестьян Северо-Запада России в первой четверти ХVIII в. // Проблемы истории феодалной России. Л., 1978.
3. Архив С П Б. И. П. ФИРИРАН. ф.3, оп. 1, к. 12, п. 13.
4. Там же, п. 9.
5. Там же.
6. Там же, п. 6.
7. Там же, к. 14, п. 6.
8. Там же, оп. 2, д. 259; оп. 1, к. 12, п. 13; к. 14, п. 6.
9. Там же.
10. Там же, оп. 1, к. 14, п. 6.
11. Там же, к. 11, п. 14.
12. Шабанова А. М. Бюджетные крестьянских хозяйств Александро-Свирской вотчины в середине ХVIII в. // Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. Рига, 1977.
13. Архив С П Б. И. П. ФИРИРАН, ф.3, оп. 1, к. 8, п. 80.
14. Там же, к. 8, п. 219.
15. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти ХVIII века. М., 1977.